VICENTE BLASCO IBÁÑEZ

LA PRIMAVERA TRISTE

Vicente Blasco Ibáñez

PRIMAVERA TRISTE

ESPAÑOL

LITERATURA CLÁSICA

Подготовка текста, комментарии и словарь
В. П. Литуса

ИЗДАТЕЛЬСТВО
КАРО
Санкт-Петербург

УДК 372.8
ББК 81.2 Исп-93
И 13

Ибаньес В. Б.

И 13 Грустная весна: Книга для чтения на испанском языке. — СПб.: КАРО, 2010. — 384 с. — («Literatura clásica»).

ISBN 978-5-9925-0603-7.

Предлагаем вниманию читателей сборник рассказов одного из крупнейших испанских писателей конца XIX — первой трети XX века Висенте Бласко Ибаньеса (1867–1928).

В книге приводится неадаптированный текст рассказов, снабженный комментариями и словарем.

УДК 372.8
ББК 81.2 Исп-93

ISBN 978-5-9925-0603-7

© КАРО, 2010

ВИСЕНТЕ БЛАСКО ИБАНЬЕС
(1867–1928)

Все мальчишки страстно желают совершить подвиг, открыть необитаемый остров или выиграть битву. Некоторым удается сбежать из дому, отправиться за тридевять земель, исколесить шар земной вдоль и поперек. Иногда кому-то суждено войти в историю, оставив по себе яркое воспоминание у современников. Редко, очень редко мальчишки-бунтари до старости остаются бунтарями. Немногие остаются революционерами до последних своих дней.

Вот он — традиционный зачин то ли очередного жития святого, то ли истории жизни героя: в юности был горяч, непоседлив, слыл повесой и забиякой. В зрелые годы вдруг снизошло просветление. Кардинально изменил свою жизнь, из бунтаря превратившись в праведника. Справедливости ради отметим: если речь идет о выдающемся испанском писателе Висенте Бласко Ибаньесе, это

лишь отчасти верно. Будущий романист явился на свет в семье небогатого валенсийского торговца в январе 1867 года. Детство ничем запоминающимся отмечено не было. Самое обыкновенное детство самого обыкновенного мальчика. Обыкновенного, но немного более задумчивого и мечтательного, чем и выделялся среди сверстников. Окончив гимназию, поступил на юридический факультет университета Валенсии. Будущее представлялось совсем другим и никоим образом не вязалось с карьерой адвоката. Оттого, не дожидаясь совершеннолетия, покинул стены альма-матер и без гроша в кармане отправился завоевывать мир. Первой остановкой был Мадрид, где Бласко Ибаньес нашел место секретаря у тогдашней знаменитости, писателя Мануэля Фернандеса-и-Гонсалеса. Будучи уже в весьма почтенном возрасте, патрон, диктуя вслух строки очередного романа, безмятежно засыпал, а юный помощник иногда позволял себе вольности и дописывал главы от себя. После обязательно показывал свой фрагмент мэтру. Тот ученику благоволил и принимал его подношение.

Помимо работы секретарем Бласко Ибаньес сотрудничал с небольшой местной газетой. Писал репортажи, иногда вел колонку происшествий. Начало 80-х годов позапрошлого века — один из самых драматичных и бурных периодов в жизни

Испании: окончание карлистских войн, нарастающий вал кризиса во всех сферах жизни, в экономике, политике и культуре, народные волнения, крепнущий рабочий класс. С сегодняшних позиций, как только заходит речь о возрастающей роли рабочего класса, тут же вырастает призрак, даже не коммунизма, а Карла Маркса, точнее его комического воплощения. Другое дело — для человека, жившего в 80-х годах XIX века: социальные реформы и революция в Испании — это и суровая необходимость, и пьянящее страстью желание. Юный Бласко Ибаньес оказывается в гуще ярких событий, захвачен и очарован революционной стихией, становится пропагандистом, вдохновенным оратором, выступающим на митингах рабочих, журналистом, пишущим воззвания и прокламации.

Однажды, возвращаясь с очередного митинга в окружении горячих поклонников, Бласко Ибаньес у порога дома был арестован полицией. В этот миг он был почти счастлив и, конечно, готов принести себя в жертву великому делу. Бесстрашно шагнул навстречу своей нелегкой судьбе, отстранив защитников, которые попытались удержать юношу. Увы, реальность оказалась весьма приземленной и почти пошлой. Висенте к тому дню еще не исполнилось восемнадцать, посему его судьбой по-прежнему распоряжались родители. По тре-

бованию матери сын был насильно препровожден в лоно родной семьи, вынужден вернуться в университетские стены и продолжить учебу. Так закончился первый этап его политической деятельности.

Несколько лет спустя окончил юридический факультет, но карьера адвоката его все так же не прельщала, зато политическая борьба захватила целиком. Через год он становится лидером республиканцев в родном городе. Еще через полгода, после разгрома военно-республиканского заговора, во главе которого стоял будущий прославленный романист, ему удается ускользнуть из рук полиции и скрыться во Франции. По словам самого Бласко Ибаньеса, почти тридцать раз он подвергался аресту и тюремному заключению. Только избрание в 1898 году депутатом от провинции Валенсии предоставило ему статус неприкосновенности. До 1909 года Бласко Ибаньес продолжает отстаивать интересы родной провинции в парламенте страны.

Между тем, несмотря на активное участие в политической жизни страны Бласко Ибаньес продолжает писать статьи, воззвания, фельетоны, памфлеты и даже романы, два из которых в начале 90-х годов были изданы. Правда, они остались незамеченными большинством читающей публики. Настоящая известность пришла только тогда,

когда эти два романа — «Бесшабашная жизнь» и «Проклятый хутор» — были переведены на французский язык и изданы в Париже. Это случилось на рубеже веков. К концу первого десятилетия нового века Бласко Ибаньес стал одним из выдающихся писателей Испании, слава которого дошла до самых отдаленных уголков Европы. В России писатель более известен как романист, чьи романы остры, социальны, оттого близки духу русских читателей. Первый сборник рассказов увидел свет в России в 1910 году. К этому времени Бласко Ибаньес отошел от активной политической деятельности, разуверившись и в революционных порывах народа, и в либеральных ценностях современного общества. Поэтому его проза становится горькой, тягостно суровой и печальной. Он на долгие пять лет покидает Европу и отправляется в путешествие по Южной Америке. В Аргентине берется еще за один новаторский проект: создание первого в мире кооператива вольного сельского труда с применением новейших достижений науки и техники. Но и здесь его постигает разочарование.

Накануне Первой мировой Бласко Ибаньес возвращается в Европу. С первых дней войны он был горячим сторонником Антанты. Его самый известный роман этого периода — «Четыре всадника Апокалипсиса». Разочарованный, но не по-

бежденный Бласко Ибаньес работал до последних дней жизни и скончался в дали от родины, во Франции, за день до своего шестьдесят первого дня рождения. Для читателей он остался, прежде всего, интересным литератором, ищущим новые формы, связующим звеном между веком девятнадцатым и двадцатым, между писателями-костумбристами и поколением «98-го года», одним из тех, кто стоял у истоков европейской литературы модернизма.

В. П. Литус

PRIMAVERA TRISTE

El viejo Tófol y la chicuela vivían esclavos de su huerto, fatigados por una incesante producción.

Eran dos árboles más, dos plantas de aquel pedazo de tierra no mayor que un pañuelo, según decían los vecinos, y del cual sacaban su pan a costa de fatigas[1].

Vivían como lombricesde tierra, siempre pegados al surco; y la chica, a pesar de su desmedrada figura, trabajaba como un peón.

La apodaban la Borda[2], porque la difunta mujer del tío Tófol, en su afán de tener hijos que alegrasen su esterilidad, la había sacado de la Inclusa[3]. En aquel huertecillo había llegado a los diecisiete años, que parecían once, a juzgar por lo enclenque de su cuerpo, afeado aún más por la estrechez de unos

---

[1] **a costa de fatigas —** ценой немалых трудов

[2] **La apodaban la Borda —** Ей дали прозвище Палубный Матрос.

[3] **Inclusa —** воспитательный дом

hombros puntiagudos, que se curvaban hacia afuera, hundiendo el pecho e hinchando la espalda.

Era fea; angustiaba a sus vecinas y compañeras de mercado con su tosecilla continua y molesta; pero todas la querían. ¡Criatura más trabajadora!… Horas antes de amanecer, ya temblaba de frío en el huerto cogiendo fresas o cortando flores; era la primera que entraba en Valencia para ocupar su puesto en el mercado; en las noches que correspondía regar, agarraba valientemente el azadón y, con las faldas arremangadas, ayudaba al tío Tófol a abrir bocas en los ribazos por donde se derramaba el agua roja de la acequia, que la tierra, sedienta, y requemada, engullía con un glu-glu de satisfacción; y los días que había remesa para Madrid, corría como loca por el huerto, saqueando los bancales, trayendo a brazados los claveles y rosas, que los embaladores iban colocando en cestos.

Todo se necesitaba para vivir con tan poca tierra. Había que estar siempre sobre ella, tratándola como bestia reacia que necesita del látigo para marchar. Era una parcela de un vasto jardín, en otro tiempo de los frailes, que la desmortización revolucionaria había subdividido. La ciudad, ensanchándose amenazaba tragarse el huerto en su desbordamiento de casas, y el tío Tófol, a pesar de hablar mal de sus terruños, temblaba ante la idea de que la co-

dicia tentase al dueño y los vendiese como solares.

Allí estaba su sangre: sesenta años de trabajo. No había un pedazo de tierra inactiva, y aunque el huerto era pequeño, desde el centro no de veían las tapias: tal era la maraña de árboles y plantas; níspe-ros y magnolieros, bancales de claveles, bosquecillos de rosales, tupidas enredaderas de pasionarias y jazmines: todas cosas útiles, que daban dinero y eran apreciadas por los tontos de la ciudad.

El viejo, insensible a las bellezas de su huerto, sólo ansiaba la cantidad. Quería segar las flores en gavillas, como si fuesen hierba; cargar carros enteros de frutas delicadas; y este anhelo de viejo avaro e insaciable martirizaba a la pobre Borda, que apenas descansaba un momento, vencida por la tos, oía amenazas o recibía como brutal advertencia un terronazo en los hombros.

Las vecinas de los inmediatos huertos protestaban. Estaban matando a la chica; cada vez tosía más. Pero el viejo contestaba siempre lo mismo: había que trabajar mucho; el amo no atendía razones en San Juan y en Navidad, cuando correspondía entregarle las pagas de arrendamiento. Si la chica tosía era por vicio, pues no le faltaban su libra[1] de pan y

[1] **libra** — фунт (мера веса, равная приблизительно 454 г)

su rinconcito en la cazuela de arroz; algunos días hasta comía golosinas: morcilla de cebolla y sangre, por ejemplo; los domingos la dejaba divertirse, enviándola a misa como una señora, y aún no hacía un año que le dió tres pesetas para una falda. Además, era su padre, y el tío Tófol, como todos los labriegos de raza latina, entendía la paternidad cual los antiguos romanos: con derecho de vida y muerte sobre los hijos, sintiendo cariño en lo más hondo de su voluntad; pero demostrándolo con las cejas fruncidas y alguno que otro palo.

La pobre Borda no se quejaba. Ella también quería trabajar mucho, para que nunca le quitasen el pedazo de tierra, en cuyos senderos aún creía ver el zagalejo remendado de aquella vieja hortelana, a la que llamaba madre cuando sentía la caricia de sus manos callosas.

Allí estaba cuanto quería en el mundo: los árboles que la conocieron de pequeña y las flores, que en su pensamiento inocente hacían surgir una vaga idea de maternidad. Eran sus hijas, las únicas muñecas de su infancia, y todas las mañanas experimentaba la misma sorpresa viendo las flores nuevas que surgían de sus capullos, siguiéndolas paso a paso en su crecimiento, desde que, tímidas, apretaban sus pétalos, como si quisieran retroceder y ocultarse, hasta que con repentina audacia estallaban como bombas de colores y perfumes.

El huerto entonaba para ella una sinfonía interminable, en la cual la armonía de los colores confundíase con el rumor de los árboles y el monótono canturreo de aquella acequia fangosa y poblada de renacuajos, que, oculta por el follaje, sonaba como arroyuelo bucólico.

En las horas de fuerte sol, mientras el viejo descansaba, iba la Borda de un lado a otro, admirando las bellezas de su familia, vestida de gala para celebrar la estación. ¡Qué hermosa primavera! Sin duda, Dios cambiaba de sitio en las alturas, aproximándose a la Tierra.

Las azucenas de blanco raso, erguíanse con cierto desmayo, como las señoritas en traje de baile que la pobre Borda había admirado muchas veces en las estampas; las camelias, de color carnoso, hacían pensar en tibias desnudeces, en grandes señoras indolentemente tendidas, mostrando los misterios de su piel de seda; las violetas coqueteaban ocultándose entre las hojas para denunciarse con su perfume; las margaritas destacábanse como botones de oro mate; los claveles, cual avalancha revolucionaria de gorros rojos, cubrían los bancales y asaltaban los senderos; arriba, las magnolias balanceaban su blanco cogollo como un incensario de marfil que esparcía incienso más grato que el de las iglesias; y los pensamientos, maliciosos duendes, sacaban por entre el follaje sus garras de terciopelo morado, y, gui-

ñando las caritas barbudas, parecían decir a la chica:

— Borda, Bordeta…, nos asamos. ¡Por Dios, un poquito de agua!

Lo decían, sí; oíalo ella, no con los oídos, sino con los ojos, y aunque los huesos le dolían de cansada, corría a la acequia a llenar la regadera y bautizaba a aquellos pilluelos, que bajo la ducha saludaban agradecidos.

Sus manos temblaban muchas veces al cortar el tallo de las flores. Por su gusto, allí se quedarían hasta secarse; pero era preciso ganar dinero llenando los cestos que se enviaban a Madrid.

Enviaba a las flores viéndolas emprender el viaje. ¡Madrid!… ¿Cómo sería aquello? Veía una ciudad fantástica, con suntuosos palacios como los de los cuentos, brillantes salones de porcelana con espejos que reflejaban millares de luces, hermosas señoras que lucían sus flores; y tal era la intensidad de la imagen, que hasta creía haber visto todo aquello en otros tiempos; tal vez antes de nacer.

En aquel Madrid estaba el señorito, el hijo de los amos, con el cual había jugado muchas veces siendo niña, y de cuya presencia huyó avergonzada el verano anterior, cuando, hecho un arrogante mozo, visitó el huerto. ¡Pícaros recuerdos![1] Rubo-

[1] **¡Pícaros recuerdos!** — Кошмарные воспоминания!

rizábase pensando en las horas que pasaron siendo niños, sentados en un ribazo, oyendo ella la historia de Cenicienta, la niña despreciada convertida repentinamente en arrogante princesa.

La eterna quimera de todas las niñas abandonadas venía entonces a tocarle en la frente con sus alas de oro. Veía detenerse un soberbio carruaje en la puerta del huerto; una hermosa señora la llamaba: «Hija mía!…, por fin te encuentro»; ni más ni menos que en la leyenda; después, los trajes magníficos, un palacio por casa, y, al final, como no hay príncipes disponibles a todas horas para casarse, contentábase modestamente con hacer su marido al señorito.

¿Quién sabe?… Y cuando más esperanzada se ponía en el futuro, la realidad la despertaba en forma de brutal terronazo, mientras el viejo decía con voz áspera:

— ¡Arre![1], que ya es hora.

Y otra vez al trabajo, a dar tormento a la tierra, que se quejaba cubriéndose de flores.

El sol caldeaba el huerto, haciendo estallar las cortezas de los árboles, en las tibias madrugadas sudábase al trabajar como si fuese mediodía, y a pesar de esto, la Borda, cada vez más delgada y tosiendo más.

[1] **¡Arre!** — клич погонщиков скота.

Parecía que el color y la vida que faltaban en su rostro se lo arrebataban las flores, a las que besaba con inexplicable tristeza.

Nadie pensó en llamar al médico. ¿Para qué? Los médicos cuestan dinero, y el tío Tófol no creía en ellos. Los animales saben menos que las personas y lo pasan tan ricamente sin médicos no boticas.

Una mañana en el mercado, las compañeras de la Borda cuchicheaban, mirándola compasivamente. Su fino oído de enfermera lo escuchó todo. Caería cuando cayesen las hojas.

Estas palabras fueron su obsesión. Morir… ¡Bueno, se resignaba!; por el pobre viejo lo sentía, falto de ayuda. Pero al menos que muriese como su madre, en plena primavera, cuando todo el huerto lanzaba risueño su loca carcajada de colores: no cuando se despuebla la tierra, cuando los árboles parecen escobas, y las apagadas flores de invierno se alzan tristes de los bancales.

¡Al caer las hojas!… Aborrecía los árboles, cuyos ramajes se desnudaban como esqueletos del otoño; huía de ellos como si su sombra fuese maléfica, y adoraba una palmera que el siglo anterior plantaron los frailes; esbelto gigante, con la cabeza coronada de un surtidor de ondulantes plumas.

Aquellas hojas no caían nunca. Sospechaba que tal vez fuese una tontería; pero su afán por lo maravilloso le hacía sentir esperanzas, y, como el que

ÍNDICE

Висенте Бласко Ибаньес (1867–1928) 3
Primavera triste 9
Venganza moruna 19
Un funcionario 32
Noche de bodas 48
Lobos de mar 81
La pared 89
La paella del roder 95
La Corrección 106
Condenada 116
La Cencerrada 125
La Caperuza 161
La barca abandonada 173
La apuesta del «Esparrelló» 185

Guapeza Valenciana 197
Golpe doble 218
En la puerta del Cielo 226
En la boca del horno 233
En el mar. 245
El parásito del tren 259
El ogro. 269
El milagro de San Antonio. 278
El maniquí 293
El Femater. 304
Vocabulario. 328

Книги издательства «КАРО» можно приобрести:

Оптовая торговля:

в Санкт-Петербурге:
ул. Бронницкая, 44
тел./факс: (812) 575-94-39, 320-84-79
e-mail: karo@peterstar.ru

в Москве:
ул. Краснобогатырская, 31
тел./факс: (495) 964-02-10, 964-08-46
e-mail: moscow@karo.net.ru

Интернет-магазин
WWW.BOOKSTREET.RU

Розничная торговля:

в Санкт-Петербурге:
«Азбука»,
пр. Обуховской обороны, 103,
тел.: (812) 567-56-65
Санкт-Петербургский
дом книги,
Невский пр., 28,
тел.: (812) 448-23-55
Сеть книжных магазинов
«Буквоед»
Магазин
в помещении ЛОИРО,
Чкаловский пр., 25А

в Москве:
Торговый дом «Библио-Глобус»,
тел.: (495) 928-35-67, 924-46-80
«Московский дом книги»
тел.: (495) 789-35-91
Дом книги «Молодая гвардия»,
тел.: (495) 238-50-01, 238-26-86
Торговый дом книги «Москва»,
тел.: (495) 229-64-83
Дом книги «Медведково»
тел.: (495) 476-00-23
«Дом книги на Ладожской»,
Тел.: (495) 267-03-02

Висенте Бласко Ибаньес

PRIMAVERA TRISTE

ГРУСТНАЯ ВЕСНА

Подготовка текста, комментарии и словарь
В. П. Литуса

Ответственный редактор *О. П. Панайотти*
Технический редактор *Я. В. Попова*
Корректор *В. П. Литус*
Иллюстрация на обложке *О. В. Маркиной*

Издательство «КАРО», ЛР № 065644
195027, Санкт-Петербург, Свердловская наб., д. 60, (812) 570-54-97

WWW.KARO.SPB.RU

Гигиенический сертификат
№ 78.01.07.953.П.004024.03.07 от 22.03.2007

Подписано в печать 01.11.2010. Формат 70 x 100 $^{1}/_{32}$. Бумага газетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 15,48. Тираж 2000 экз. Заказ № 11.01

Отпечатано в типографии «КАРО»